Даешь детский красный обоз!

П 29
34

П.349.

ПИОНЕР

33

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ОГИЗ

1930

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПИОНЕР

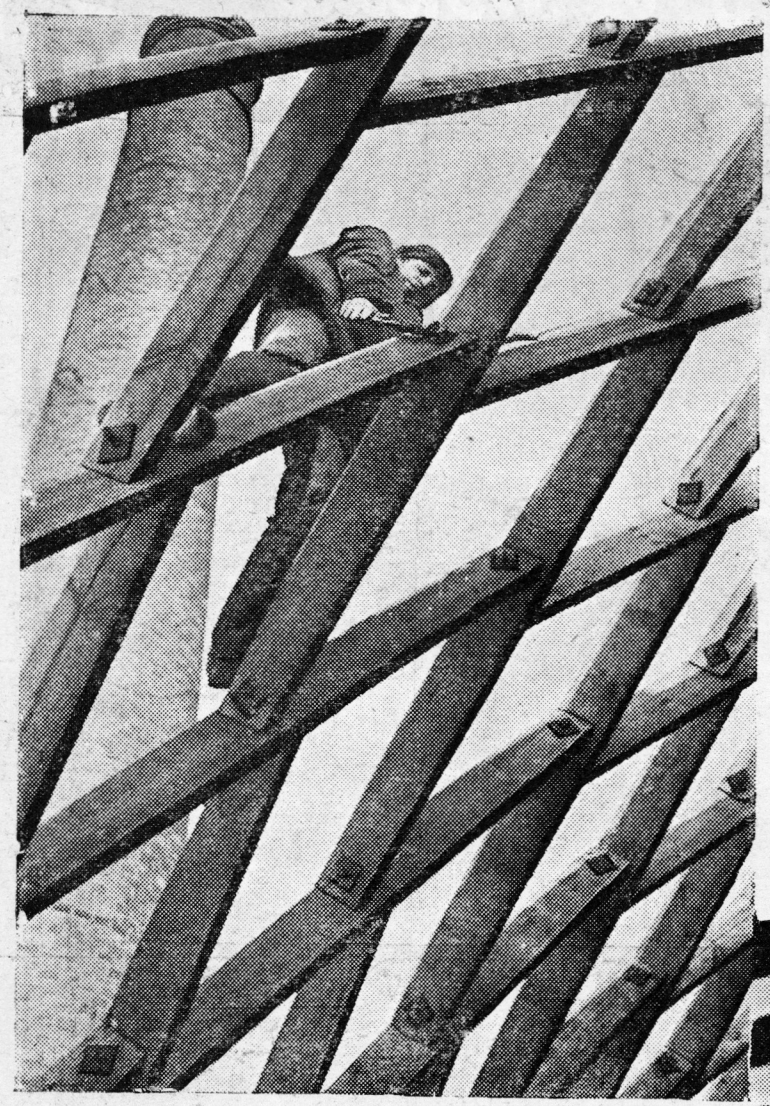
БОЕВОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

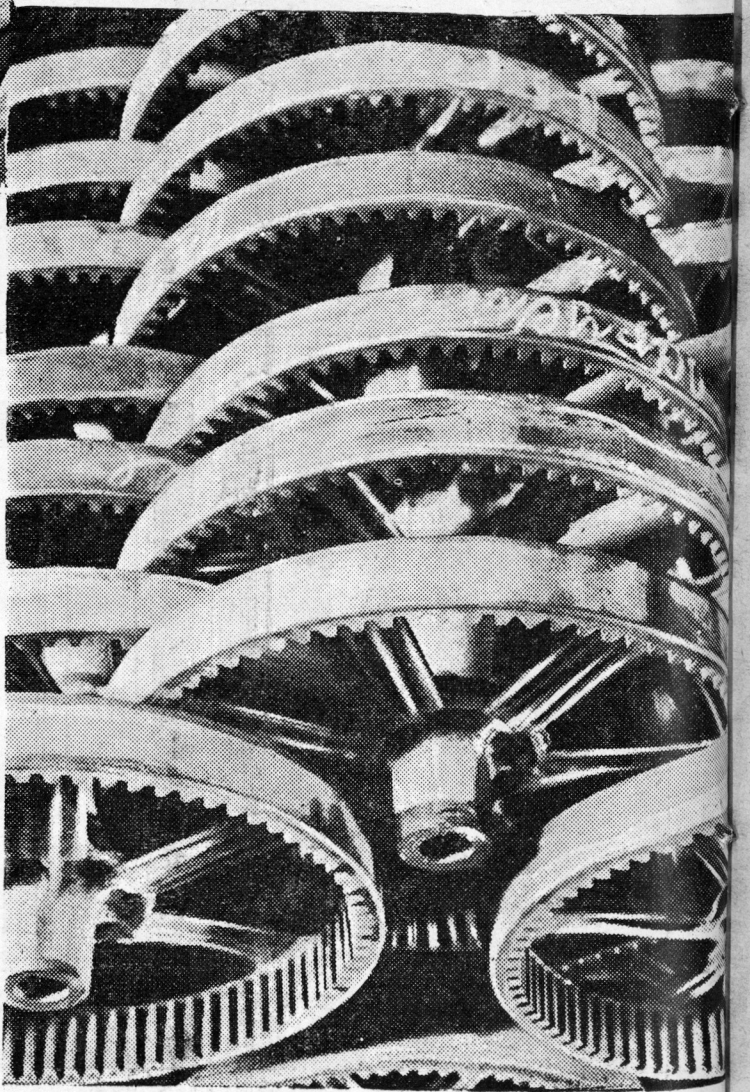
Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

НОЯБРЬ
№ 33

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая пл.,

Условия подписки:
36 номеров на год — 3 руб.
6 м.—1 р. 60 к., 3 м.—85 коп.
1 м.—30 коп.





Сегодня в „Пионере“

	Стр.
Кого судят	1
На поддев—рассказ	5
Из записной книжки красноармейца	8
В поход	9
Скажите, как пройти на Сахалин	12
Согласен ли ты	14
В плену у басмачей—рассказ	17
Книгоноши	20

Рисунки художников Л. Смехова, В. Константинова, В. Мазрухо, Пименова, В. Горшкова, П. Митурича

Обложка худ. В. Константинова

Нравятся ли вам эти снимки? Может быть вы думаете, что мы помещаем их ради красоты? Ошибаетесь.

Это фотографии Люберецкого завода, производящего сельскохозяйственные машины.

Верхний снимок изображает переплет крыши одного из цехов. Все основание сооружено из обрезков досок, т. н. отходов, остающихся после обработки дерева.

Такая постройка экономней и дешевле обычной.

На нижнем снимке: чугунное литье перед обработкой.

КОГО СУДЯТ

Лит. № 1664

ТРУДЯЩИЕСЯ СТРАНЫ СОВЕТОВ СУДЯТ ВРЕДИТЕЛЕЙ, ШПИОНОВ И АГЕНТОВ КАПИТАЛИСТОВ, РАСКРЫТЫХ ЗОРКИМ ГЛАЗОМ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ — ОГПУ

ВЕЧЕРОМ гремели залпы. Сотни боевых аэропланов высадили войска, выгрузили орудия. Рвались бомбы, рушились здания, уродовалась асфальтовая мостовая. По ухабам развороченных ям ползли танки, стучали дробно и надоедливо пулеметы с бронемашин. Над городом пролетало целое вооруженное войско. Налет был внезапный; со стороны занятого Ленинграда французские, финляндские, английские войска заняли Москву.

Ночью московские обыватели не спали, трусливо прислушиваясь к бою. Утром по Москве запестрели плакаты:

„КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ РОССИИ

Советское правительство пало. Вся власть перешла с руки ЦК ПП. Призываем всех граждан к спокойствию. Город об'является на военном положении. Все сопротивляющиеся властям будут расстреляны на месте. Граждане, дорожащие спокойствием своей родины, почтут за свой гражданский долг указывать представителям власти места, где укрываются коммунисты. Все скрывающие красных преступников будут судиться военным трибуналом Российской республики...“

И далее:

„Правительство сообщает с чувством глубокой радости всем истинно русским людям о свержении варваров, именовавших себя коммунистической партией. Возблагодарим Бога за освобождение от ига.

Промышленная партия закрепляет землю за крепкими, хозяйственными крестьянами, колхозы распускаются. Помещики за землю будут вознаграждены. Промышленные предприятия возвращаются их прежним, настоящим владельцам. Россия об'является демократической республикой. Все коммунисты об'являются вне закона.

Настоящее правительство считает себя временным, впредь до созыва Учредительного собрания, коему принадлежит право выбора парламента Российской единой, неделимой республики.

С сего дня устанавливается военная диктатура.

Премьер-министр Л. Рамзин
Военный министр Деникин“.

14 июля 1931 г.

Ищут старые хозяева, приехавшие из-за границы, свои старые жилища, свои старые фабрики и заводы. Ищут, находят и не узнают. Вот особняк в Хамовниках. Здесь клуб. Княжна Гагарина узнала только свой старый диван. Он сохранился в целости, только обтрепался бархат по краям.

Фабриканты и заводчики не узнают своих фабрик. Третий год пятилетки изменил их, фабрики разрослись, сменили оборудование, отремонтировались.

Ребята с недоумением смотрели на чужих людей, хоть и говоривших по-русски. Ведь это те самые буржуи, которых прогнали отцы в семнадцатом году с насиженных мест. Ребята знали их только по наслышке и из книг. То было 14 лет назад.

По улицам проходили войска в незнакомых сизых шинелях. Очень немногие из солдат говорили по-русски. Жизнь в Москве приостановилась. Никто не работал и никого не видно было на улицах. Школы закрылись. Новое правительство и не собиралось много заниматься народным образованием. В списке министров не было даже министра народного просвещения.

Порядок в Москве поддерживался военной силой. Прекратилось трамвайное и всякое движение, потух электрический свет, не работал водопровод, телефон. Остановились фабрики, закрылись учреждения. По

СОСТАВ СУДА НАД ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАРТИЕЙ:

Справа сверху вниз: председатель суда тов. Вышинский, член суда—тов. Антонов-Саратовский, член суда—рабочий Львов.

железным дорогам не подходили к восьми вокзалам Москвы поезда. Пролетарии Москвы отступили с Красной армией за несколько километров от Москвы и готовились к контр-удару.

Москва стояла пустая, как церковь в безбожном селе. Белые агенты шныряли по домам, обыскивали, уводили расстреливать.

Такой сон снился крупному советскому специалисту Рамзину.

Но „Россию" действительно делили не только во сне, „Россию" и вправду хотели завоевать.

Если бы... Расскажем все по порядку.

Центральный комитет Промышленной партии судят с 25 ноября.

Судят за контрреволюционные планы, судят за вредительство, за шпионаж, судят за намерение организовать против СССР военную интервенцию, поделить страну между империалистическими державами.

КТО ВРЕДИТЕЛИ

Изучая открытые вредительские организации, ГПУ пришло к выводу, что всеми этими организациями руководит какой-то контрреволюционный центр.

Недавно ОГПУ этот центр раскрыло. Эта контрреволюционная организация называла себя Промышленной партией.

Мы, крестьяне Ялоги (Минусинск), категорически требуем уничтожить всех контрреволюционеров, которые показали, что на них овечья шкурка, а сами продались белым генералам и французскому капиталу, чтобы уничтожить советскую власть. Мы полтора года мучились под Колчаком и золотопогонниками. У нас под селом — братская могила, в ней — 220 наших крестьян, есть старики, есть малые дети с разбитыми черепами — вот как они разговаривали с крестьянством! Французским капиталистам даем клятву: вы в нас пулю, мы — сто, вы на нас белогвардейский полк, а мы — целым районом спереди и в тыл...

Во главе этой партии стояли люди, которым советская власть доверяла важнейшую работу в ВСНХ, Госплане, в промышленности: Рамзин, Пальчинский, Хренников, Ларичев, Чарновский и др.

Эти люди в дореволюционное время были тесно связаны с русскими капиталистами, состояли у них на службе, получали большое жалование, делили с ними власть.

Некоторые из них сами были крупными капиталистами.

После Октябрьской революции часть технической интеллигенции пошла на службу советской власти. Они обещали честно работать по восстановлению советского хозяйства. Советская власть поверила их искренности, многим поручила ответственную работу.

Многие из старых специалистов искренно и честно помогают рабочему классу Советской страны строить социализм, бороться с трудностями.

Но часть старых специалистов мечтала о миллионах, мечтала о прежней власти. Им не нравилось, что у власти стоят рабочие.

Капиталисты им были более по душе. Они начинают мечтать о свержении советской власти, а затем переходят к делу. Они в разных отраслях промышленности создают тайные вредительские организации. Это им было легко сделать — ведь они пользовались доверием советской власти, стояли во главе важных отраслей советского хозяйства. Проверить их работу было очень трудно, так как своих специалистов несколько лет назад у нас было мало.

В каждой отрасли промышленности было особое ядро вредителей. Эти основные звенья связывались с низовыми ячейками вредителей. Организация была так построена, что члены различных вредительских цепочек друг друга не знали. Это же спасало центральную организацию вредителей от раскрытия.

Но все же ГПУ одно за другим раскрывало звенья вредительской организации. Сначала раскрыты были вредители в угольной промышленности (шахтинцы), и в тюрьму попал один из членов вредительского центра — Рабинович. Затем было раскрыто вреди-

тельство в цветной металлургии и был расстрелян глава вредительской шайки — Пальчинский. Его место занял Рамзин, профессор и руководитель важнейшей секции Госплана — энергетики.

Все вредители при каждом удобном случае клялись в любви советской власти, в преданности строительству социализма, занимались общественной работой. Один из вредителей — Шейн — даже выступал общественным обвинителем на шахтинском процессе. Под шкурой овцы прятались волки-вредители.

Вредители настолько были уверены в скорой гибели советской власти, что даже составили список будущих министров. В числе министров они намечали белогвардейских палачей-генералов — Деникина и Лукомского и бежавших за границу капиталистов.

Вредитель Ларичев показывает:

„В случае контрреволюционного переворота инженерные круги, представляющие интересы промышленного капитала, должны выступить как единая политическая сила и занять руководящую роль в оформлении будущего правительства".

Вредители сидели в самом сердце нашего планирующего хозяйственного аппарата.

В сельском хозяйстве работали другие вредители, кулацкие теоретики: Кондратьев, Громан, Суханов. Промышленные вредители были связаны с кондратьевцами, которые называли себя Трудовой крестьянской партией.

Сначала вредители не думали об интервенции. В самом начале возникновения партии некоторые из ее членов думали свергнуть советскую власть внутренними силами, с помощью кулацкого восстания и разрушения промышленности. Но страна быстро росла экономически и никаких надежд на восстание народа у вредителей не оставалось.

Все упования были перенесены на военную силу буржуазных стран.

Капиталисты Франции и Англии встретили вредителей с распростертыми объятиями. Крича во все горло о большевистской опасности и пропаганде, капиталисты втихомолку вмешивались в наши дела и энергично готовили контрреволюционный переворот.

Особенно настойчиво готовятся к войне против Советов во Франции. Там собралось много капиталистов, бежавших из России. Они организовали Торгово-промышленный комитет. С Торгпромом вредители держали тесную связь и через него с генеральным штабом Франции. Торгпром вел всю внешнюю подготовку интервенции, Промышленная партия — внутреннюю.

Намечен был точный план и сроки интервенции. Франция и Англия конечно помогали не даром. Вредитель Федоров показывает:

„От Рамзина поступило секретное сообщение. Он согласился часть Кавказа, где нефтяные промыслы, уступить Англии, часть Украины — Польше и Франции".

Очень интересовался вредителями бывший президент Франции, один из главных виновников империалистической войны — Пуанкаре-война.

Другие вредители рассказывают, что при французском генштабе создана особая комиссия по подготовке интервенции против СССР. Руководит комиссией генерал Жанен. Рамзин рассказывает:

„При основной ставке на интервенцию, которая ожидалась примерно в 1930 г., основной целью являлось приурочивание всеобщего кризиса хозяйственной жизни страны к моменту интервенции.

Интервенция должна была начаться выступлением Румынии под предлогом придирки, например к пограничному мелкому происшествию, с последующим об'явлением войны Польшей. В интервенции должны были принять участие врангелевские войска, проходящие через Румынию. Англия должна была поддержать интервенцию своим флотом: а) на Черном море, имея целью отрезать кавказские нефтяные месторождения и б) в Финском заливе в операциях против Ленинграда.

Предполагалось также высадить на Черном море десант красновских казаков, которые должны были поддержать и усилить восстание на Дону.

Общий план сводился к двойному удару: главный—на Москву и вспомогательный—на Ленинград. Интервенты должны были быть поддержаны, кроме массовых восстаний, помощью со стороны Промпартии путем углубления и усиления кризиса взрывами на воензаводах, электростанциях и т. п."

Выполняя задание хозяев, вредители старались во-всю. Действовали они очень хитро.

Мы обращаемся к работницам Советского союза с призывом окружить особым вниманием и любовью Красную армию, для которой мы готовим верных бойцов и союзников из наших сыновей. Помните о ваших „маленьких большевиках", для которых кровавый Пуанкаре и ваши вредители готовили горькую участь миллионов детей, павших жертвами империалистической бойни. Требуйте вместе с нами с особой настойчивостью сурового наказания тем, кто хотел вернуть вас в прежнее бесправное положение, кто готовился лишить вашу смену той светлой и счастливой будущности, какую вы куете им сейчас в стране советов. Не должно быть пощады тем, кто готовил миллионам детей участь сирот и рабов.

ГРУППА ПАРИЖСКИХ РАБОТНИЦ

Государственный обвинитель т. Крыленко.

Пролетарский суд приговорил вредителей и шпионов Рамзина, Чарновского, Калинникова, Ларичева и Федотова к расстрелу, а Очкина, Ситнина и Куприянова — к 10 годам тюрьмы.

ЦИК СССР решил: так как осужденные раскаялись и своими показаниями разоружили свою организацию, так как советская власть не мстит, заменить расстрел 10 годами тюрьмы, а трем вредителям—8 годами с конфискацией всего имущества.

Вредитель Федоров показывает:

„Основной работой вредительских организаций в последние годы стала работа по подготовке кризисов в промышленности, которые должны были привести к остановке фабрик, к недостатку товаров и следовательно к недовольству населения.

Для подготовки интервенции необходимо было ускорить и вызвать кризис уже к 1930 г. В текстильной организации работа в этом направлении началась уже в 1927 г. и усилилась в 1928 г. по указаниям и требованиям из-за границы".

При составлении первого плана пятилетки вредители всячески старались задержать развитие важнейших отраслей советского хозяйства. Так по старому плану чугуна должно быть выплавлено 7 миллионов тонн, а по последнему плану—18 миллионов тонн. Вредители в два с половиной раза преуменьшили рост важнейшей отрасли пятилетки. Недостаток металла должен был привести к сильному замедлению индустриализации СССР. А это сделало бы нас слабыми для отпора интервенции.

По нефти, углю, топливу, транспорту вредители старались проводить такую же политику.

В то же время вредители так планировали промышленность, что одни отрасли должны были развиваться быстрее других. Это вело к кризису их.

Особенно старались помешать вредители электростроительству. Так в Донбассе сейчас большая нужда в электроэнергии. Это в значительной мере вина вредителей. Они нарочно растянули срок постройки Штеровской и Зуевской электростанций, заказывали для них негодное оборудование и т. п.

То же самое вредители проделали с Ленинградом и Москвой.

Вот что рассказывает Рамзин:

„Для Каширской станции были заказаны мельницы, не могущие работать на подмосковном угле и требующие каждые 150-200 часов остановки на ремонт. Здесь же были построены плохие топки. После дорогой и долгой переделки котлы дают малую производительность.

При постройке станции сильно удорожались. Стоимость станции получалась обычно процентов на 40 дороже..."

По топливу добыча была преуменьшена в два раза. Вредитель Ларичев показывает, что планы добычи он составлял так, чтобы в стране почти не было запасов топлива.

Особенно стремились вредители задержать развитие Донбасса, Кузбасса и Подмосковного бассейна.

Вредители всячески задерживали производство новых машин и станков.

Вот что показывает вредитель Чарновский:

„Общий вывод можно сделать тот, что при тесной связи решительно всех отраслей с металлопромышленностью и в частности с машиностроением нет ни одной, которая бы не страдала от неправильного планирования машиностроительных отраслей. В случае интервенции страдают как непосредственно отрасли военного снабжения, так и отрасли, обслуживающие тыловые работы и связь".

Из Франции получали деньги (за два года—больше полутора миллиона рублей), оттуда же получали задания для шпионской работы, помогали французским офицерам составлять планы нападения на СССР.

Вредитель Ситнин показывает:

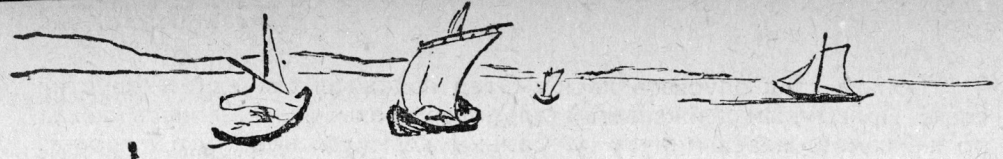
„Паункаре обещал полную поддержку интервенции и считает, что к 1930—1931 г. можно надеяться на полный успех интервенции. Он предложил Третьякову и Рябушинскому, как представителям Торгпрома, дать указания советским инженерным организациям о подготовке почвы для интервенции".

Вредители отправляли за границу всякие шпионские сведения. Вот что сообщает Рамзин:

„Весной 1929 г. А. (французский агент) обратился ко мне с просьбой дать записку хотя бы о техническом состоянии авиации в СССР. По моей просьбе проф. Стечкин составил такую записку, которую я передал затем в конце 1929 г. А. Записка эта в сжатой форме рассказывала, какие типы аэропланов применяются в СССР. Здесь были сведения об их подъемной силе, скорости, высоте полета, мощности мотора и т. п."

Такие сведения вредители посылали за границу много раз. Пытались вредители по заданию французского штаба повести разрушительную работу в Красной армии, создали группу по взрыву мостов, электростанций и т. п. во время будущей войны.

Вредители целиком превратились в агентов и шпионов иностранных капиталистов.



Рисунки Горшкова

Архангельским ребятам посвящаю

НА ПОДДЕВ

ТАМ, где от полярного холода синеют ногти, где при лютом норде[1] спирает дыхание, там, где поморы-рыбаки бьются насмерть с океаном, где прочные белозубые ожженные ветром зуйки[2] на остроносых баркасах и тяжелых шнеках выходят в море, на скалистом берегу раскинулся небольшой рыбачий поселок.

Берег как берег. Пенный прибой лижет иссиня-черные камни. Угрюмо вздыхает Ледовитый океан.

Санька-лопарь, парень лет двенадцати, прочный, широкоскулый, с узкой прорезью мышиных глаз, распутывая ярус, ворчит:

— Отливай шибче... Шибче говорю... Тожа песельник!

Тюнька, розовый, белоголовый, голубоглазый мальчонка, с облупившимся носом, огрызнулся:

— Ты ба за собой смотрел... Ишь напутал!

— Чего там напутал! Небось, лесками будем ловить, на поддев.

Закончив отливать воду, Тюнька, перебирая шершавыми руками поблескивающую серебром наживку, запел:

Люб-лю я мо-о-ре, люб-лю-у глу-у-бо-о-ко-о.
У-уй-ду-у на Му-ур-ман, у-уй-ду-у да-леко-о...

Гулко громыхая по обточенным прибоем камням, показался отец Тюньки. Хмурый, прочный, чалая северная бородка. В остром прищуре рыбачьи глаза. Тихим утробным голосом зыкнул:

— Тюнька!

— Ну?

— Воду отлил?

— А то как!

Широченными плечами уперся в баркас, напружился, зашуршали камни. Пополз остроносый. Кормой стал на воду. Ребята с разбегу на банку. Привычно взялись обмозоленными руками за весла. Отгреблись от берега. Голубеет бухта. На много метров видно морское дно. Розовеют круглые камни.

Гагара, отец Тюньки, окинув глазами горизонт, грохнул:

— Выбирай фал[3].

Подул ласковый вест[4]. Забился парус. Распахнуло ветром. Округло вздулась парусина. Зажурчал водой форштевень[5]. Ходко рассекает баркас студеную синь. Тюнька пробрался на корму. Взялся за руль. Гагара коротко бросил:

— Держи на «рыбачьи».

— Есть!

2

Лениво дышит океан. Далеко раскинулась сине-свинцовая гладь. Зуйка убирает парус. Покачивает зыбью старый баркас. Помор молча показал ребятам на наживку. Тюнька старательно помогает отцу насаживать на крючки. Торопится Тюнька. Надо успеть насадить и отцу и себе. У Тюньки леска длинная-предлинная, метров пятьдесят будет, а на ней пятьдесят два крючка, да у отца столько же. Быстро мелькают руки. Гагара, не торопясь, затянулся крепчайшей махрой:

— Ну?..

---

[1] Норд — северный ветер.
[2] Зуйки — молодые ребята.
[3] Снасть, которой подымается парус.
[4] Западный ветер.
[5] Самая острая часть в носу судна.

Тюнька стал опускать леску. Отец подождал секунду и опустил свою. Привычным движеньем стал подергивать. Санька-лопарь сделал то же самое. Через минуту у Саньки дернуло, повело в сторону. Резко потянул леску. Затрепетала. Ловко перебирает руками. Тяжело тянуть. Блеснуло в воде. Устал Санька. Пот градом. Трепыхается крупная зубатка. Подскочил Тюнька, быстро снял рыбу с крючка, ему это дело привычное. Вырос под шум моряны. Баюкал его океанский прибой. Отец приучает его к морю. Сейчас ему девять, но он уже добытчик. Словом, Тюнька — парень крепкий. А ворчит на него Санька — зря... Это он от зависти. Такой уж у него характер: не может, чтобы не бухтеть. Ждет не дождется Тюнька, когда ему будет двенадцать, тогда он будет наживщиком. Не вечно же сидеть в зуйках. Не терпится Тюньке.

Тяжело таскать прожорливую рыбу. Трудно снимать с острых крючьев. Во рту пересохло. Устали ребятишки, устал и Гагара. Посмотрел на дно баркаса: платиной отливает пойманная рыба.

3

Шторм бушевал всю ночь. Много рыбаков не вернулось назад. А те, кто вернулся, говорили:

— Густо в море пошла треска!

Тюнькин отец подписал договор со шкипером.

Много поплавал Кильганов на своем веку. Побывал в Австралии, в Америке. В семнадцатом вернулся на Мурман. В бытность англичан на севере не раз подвергался смертельной опасности. Теперь он командует двухмачтовой шхуной «Бакан». До революции «Бакан» принадлежал богатым рыбопромышленникам, сейчас артель рыбаков взяла судно в свои руки, за это они часть улова сдают в союз рыбаков.

Шхуну строил норвежский мастер Нильсон. Выстроил наславу. На всем Мурманском побережье нет лучшего ходока. Крепкое, стройное судно. Чудесная палуба, прекрасный такелаж, двойной комплект парусов. Не жалели денег старые хозяева. Все самое лучшее. Не судно — игрушка. И артель также бережет судно. Не запускает, как другие. Странно видеть нарядный «Бакан», окрашенный на манер заграничных судов в белую краску, среди грязных, обмызганных рыбачьих посудин.

Гагара выговорил себе право взять Тюньку. Пусть приучается, привыкает — рыбаком будет...

По договору получил задаток. У поморов спокон веку так ведется. Задатком живут жены, матери и сестры рыбаков.

Торопится шкипер. Трижды есть о чем подумать. Он твердо помнит: идешь в море на день — бери хлеба на неделю.

Кильганов только что вернулся из кооператива. На палубе ящики, бочки, мешки с продовольствием. У него красное, обветренное лицо, из-под сурово нависших бровей неожиданно детски-добрые глаза. Ровные плечи и мягкий, слегка придушенный голос.

В море, отдавая команду, преображается. Матросы передавали:

— В погоду, в шторм — ходи да оглядывайся, а так — ничего, зря мухи не обидит.

В кубрике посредине молочно-белый стол. Драят его песком с содой. Справа и слева от стола по четыре койки. Команды — шестнадцать человек. Спят посменно. Одна вахта работает на палубе, другая отдыхает. Тюнька с отцом в одной вахте, и спят они вместе на одной койке. Тюнька прижался к отцу. Сверху хриплое:

— Вались наверх, треска пошла...

Шхуна врезалась в миллионный косяк рыбы.

С кормы Кильганов четко:

— К лескам!

Рассыпались по местам. Кто наживляет крючки, а кто, пристроившись к станку, крепко упершись ногами в борт, «пилит». То потянет, то отпустит леску. На большой глубине в прозрачной воде видно, как всплывает и опускается «наживка». Шибко клюет жадная рыба. Не успевают вытаскивать. И так целый день, а то и ночь.

У станка, у того, что ближе к корме, Гагара. Рядом — Тюнька. Между ними корзина с наживкой. Натужным голосом Гагара вяжет слова в узлы.

— Теперь, можно сказать, благодать... Потому — артель, а раньше... дырки-то эти самые, что в станках, команда разыгрывала... Потому как каждый норовил ближе к корме...

— Почто?

— Экой ты глупый... Ты рассуди... Чем ближе к корме, тем рыба ходчее идет. Это раз... Второе, хозяева нашему брату платили поштучно... Ну и разыгрывали, кому где... Чтоб никому не обидно.

Справа у Тюньки великан-помор. Пыхтит, напружился — на крючьях девять штук. Рыба все здоровенная. Оливково-зеленым отливают спины, а брюхо с желтизной. Тяжелая — каждая никак не меньше пяти кило. Отдуваясь, еле вытащил. Только теперь Тюнька узнал, что это за каторжный труд, только теперь узнал, как тяжело ловцам достается рыба. Обливается потом зуйка, еле на ногах держится, устал мальчуган. Оглянулся вокруг. Старые, привычные, проведшие не один год в море ловцы тоже падают от усталости.

Лов нельзя прекращать ни на минуту, ибо лов есть лов и удача есть удача.

Рыбаки разбились по нескольку человек. Одни, ловко подхватив рыбу с крючков, чистят ее остро выточенными ножами. Серебряными блестками летит чешуя. Другие четко отхватывают в сторону удивленные рыбьи головы. Третьи потрошат. Быстро мелькают кроваво-красные потроха. Четвертые распластывают рыбину пополам. Остальные засаливают и укладывают в трюм.

Повисли меж мачтами угрюмые сумерки. Барометр резко упал. Разразился шторм. Седыми космами дыбится океан. По палубе, скользкой от рыбьего жира, гуляет вода. Перекатывает зыбь. Сильно загружен «Бакан». Под зарифленными парусами несется, то зарываясь, то взлетая на гребни пенистых волн. На палубе трудно устоять. Два рослых парня еле удерживают штурвал. Зловеще дергаются, позвякивая за бортом у руля, железные цепи.

Кряхтит, поскрипывая шпангоутами[1], «Бакан». Кругом зловещие вздохи океана. Гудят зарифленные паруса. Бешено воет, заливается в снастях свирепый норд. Жутко звенят фордуны[2].

Многометровой малахитовой волной шхуну подняло наверх. «Бакан» стал на дыбы.

Белой пеной, шипя, плеснуло зеленоглазое чудовище. «Бакан» стремительно зарылся носом в воду. Руль обнажило. Полднища наружу.

Надраился штурвал. Положило боком.

Кильганов глазами в кренометр. Стрелка показывает 40. Пружиной стегнуло в мозгу: «Убавить парусов...»

Сквозь рев ветра четко в рупор:

— Пошел все наверх рифы брать!

Посинелыми от стужи, изъеденными солью руками подбирают твердую, как доска, парусину.

Точно иглами стегают в лицо ледяные брызги. От боли стиснули зубы. Борются со штормом. Не сдаются. Хорошо знают: в море нужны прочные, крепкие люди.

Вдруг:

— Ба-а-бах!

Оборвало кливер. Наверху, у салинга[3], лопнул фал. Бешено бьется парусина. Подскочил Тюнька. Неистово рванило углом паруса.

— Вва-ах!..

Блоком по голове. Помутилось в глазах. Ухватился рукой за шкот... Мелькнул в воздухе. Не удержался... Обожгло ледяной водой. Спирает легкие...

Вынырнул у самого борта. Пальцы скользнули по гладкой обшивке.

— Па-пань-ка-а!..

Цепко ухватился за приспущенный конец.

— Де-ер-жись...

Гагара сгреб за шиворот. Подтянул к себе. Перебросил через поручень.

— У-у, басалой, идол суздальский... Чтоб те икота взяла. Пошел в кубрик...

---

[1] Ребрами.

[2] Проволочные тросы, придерживающие верхнюю часть мачты по бокам.

[3] Небольшая площадка на мачте.

Из записной книжки красноармейца

Рисунки Т. Шамбуровой

НА ПОСТУ

Часовой на посту должен быть вполне бодрым и внимательным, ничем не отвлекаться от неослабного и непрерывного наблюдения за охраняемым постом и ни в коем случае не выпускать из рук средства своей защиты—оружия и патронов.

Поэтому ему запрещается: садиться, спать, есть, курить, пить, петь, разговаривать с посторонними, принимать что бы то ни было хотя бы только на временное хранение от лиц, не имеющих права отдавать ему приказания, отправлять на посту естественные надобности и вообще все то, что тем или иным способом может отвлечь хотя бы на самое короткое время неослабный, без всякого перерыва надзор за вверенной ему сдачей.

(Вр. гарниз. устав РККА, ст. 123.)

МНЕ НАДО два часа стоять на посту, затем четыре часа отдыхать в караульном помещении, затем снова два часа на посту, и так сутки.

Доха, которая на мне, привыкла к холоду. Она проводит всю долгую дальневосточную зиму день и ночь на морозе, так как она передается от одного часового к другому здесь же, на посту. Она промерзла, как тундра, и тяжела, как водолазный костюм.

Мороз выпил весь спирт из градусника, который висит у окна караульного помещения: там осталось чуть-чуть на самом донышке, где-то между 55—60 ниже нуля...

Звездная ночь встала вокруг меня черной, непроницаемой стеной.

Медленно-медленно, тяжелым и важным шагом (каким наверно выступает папа римский на торжественных собраниях) описываю я круг вокруг пороховых погребов.

Мороз действительно, как подвыпивший хулиган, щиплет меня за щеки и за нос. Но сложенный треугольником носовой платок, углы которого засунуты за шлем, закрывает лицо до глаз и отлично защищает от мороза. Получилось не особенно красиво, но иначе я рискую остаться без носа и мне не на что будет надевать свои большие роговые очки!

На ресницах собирается иней, который быстро превращается в лед. Ресницы тяжелеют и при моргании смерзаются. Ежеминутно приходится пальцами раскрывать глаза, сдирая с ресниц кусочки льда.

Беспрерывно помню, что у меня пять складов, три навеса, два амбара, восемь дверей, семь замков, шесть печей, четыре ведра и два багра. Это все то, что я должен охранять. Все то имущество, которое ежеминутно выскакивает из памяти, и, повторяя про себя этот инвентарный список, я не досчитываюсь то замков, то окон, то печей... Но четыре ведра и два багра прочно засели в голове — в них я уверен.

Бдительно, как сказано в уставе, я смотрю по сторонам, прислушиваясь к ночным шорохам. Темная морозная тишина. Изредка порывом холодного ветра с Шилка приносит тихий скрип саней, хруст снега под копытами... Медленно проходят минуты.

Бом-бом-бом—три раза прозвонили городские часы, которых днем из-за шума никогда не услышишь!

Но смена, до тепла, чая и сна, главное до сна, сократилась на один час.

— Ш-шу!

Я явственно слышу приближающийся ко мне скрип чьих-то валенок. Я останавливаюсь у стены, крепче сжимая заряженную на четыре патрона винтовку. Шаги все ближе. Наконец сквозь темноту я смутно различаю медленно движущуюся ко мне фигуру.

— Кто идет?—кричу я, приподнимая обледенелый платок.

— Пуганая ворона... — отвечает мне из темноты знакомый так же приглушенный платком голос Ванькова, ночного часового.

Ночные выставляются только на ночь для усиления охраны. Утром они уходят в казарму.

— ...куста боится!—весело отвечаю я, двигаясь навстречу Ванькову. Это мы с ним придумали такой пароль для опознавания друг друга. Один из нас говорит начало какой-нибудь пословицы, другой должен подхватить.

Разговаривать часовым на посту нельзя, и мы медленно молча расходимся, с тем, чтобы минут через двадцать, на следующем круге, снова встретиться.

Тяжелая доха давит на плечи. Винтовка с каждой минутой тяжелеет. Мои валенки оглушительно скрипят. Иногда мне кажется, что кто-то идет за мной; я торопливо поворачиваюсь, внимание напрягается, глаза стараются преодолеть темноту, уши ловят каждый шорох — но никого нет.

Это эхо, которое образуется между стен, громко повторяет мои шаги.

Тихий и осторожный скрип шагов прерывает мои размышления. Я беру винтовку в правую руку.

— Стой! Кто идет? — доносится из-за угла настороженный голос Ванькова.

Чорт возьми! Я совсем забыл придумать пословицу. Быстро начинаю вспоминать, но ничего не идет на ум. В голове мешаются одни только ведра и два багра!

В ПОХОД

Товарищи,
в наши ряды!
Уверенным шагом —
за нами!
Нам нужно
сквозь будничный дым
Пронести
переходное знамя.
Наша программа сегодня
проста:
Дать продукции
более
ста.
Нам на сегодня
нужно простое:
свести к нулю
прогулы,
простои.
Наш лозунг
четок и прост:
„Вставайте, колхозы,
во весь
свой
рост!
Нам нужно
силы
направить туда,
Где по ошибкам
нужен удар.
Это нами
лозунг дан:
„Встречный
свой промфинплан".
Это нами
развернутым строем
На мускулах подняты
тракторострои.
Это мы —
от заводов и шахт
Делаем к вузам
шаг.
Это нашим
упругим плечам
Истории
вверен
рычаг.
Мы — это
молодости знамя,
Сила,
уменье,
знание.

Деткор Гр. Литвак

(Продолжение очерка «Из записной книжки красноармейца».)

★

— Стой! Стрелять буду! — И я ясно слышу, как Ваньков щелкает затвором.

— Да это я! — кричу я в темноту.

— Никого не знаю! Пароль, а то убью! — И валенки Ванькова угрожающе скрипят.

Вдруг меня осенило.

— Волков бояться...— во весь голос бросаю я в темноту.

— ...в лес не ходить,—подхватывает Ваньков и, смеясь, подходит ко мне.— Ну как, замерз?

— Нет, ничего. А ты?

— Тоже ничего.

И мы расходимся до следующей пословицы...

В четыре часа меня сменяют. Разводящий (красноармеец, который сам на посту не стоит, но каждые два часа выходит с караульными сменять часовых) стоит возле меня с Ивановым, который, отчаянно зевая, сбиваясь и путая, повторяет за мной:

— При сдаче состоит: пять амбаров, то есть нет, пять складов, три навеса, навеса, амбаров два, дверей, дверей...

— Скорей,— ругается разводящий,— надо еще другие посты сменить!

— Дверей восемь, ну, замков семь, печатей... печатей... печатей шесть и четыре ведра и два багра и ведро,— заключает Иванов.

— Пост сдал,— говорю я и превращаюсь на четыре часа из часового в караульного.

— Пост принял,— говорит Иванов и превращается на четыре часа из караульного в часового.

После сложного обряда переодевания дохи сменяет Ванькова и торопится в тепло и уют караульного помещения.

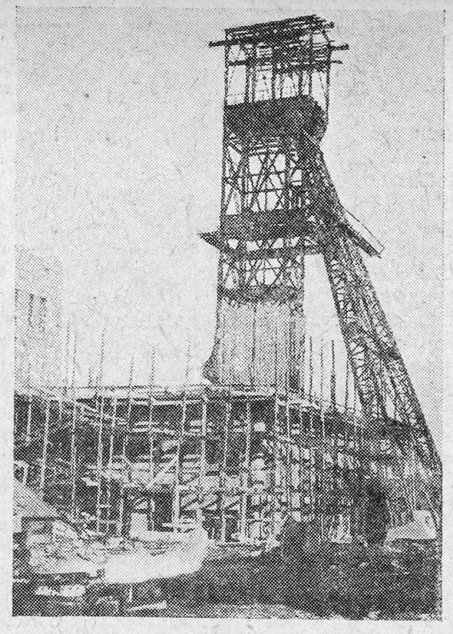
В караулке тихо. Караульный начальник, которому ночью спать нельзя, сидит у свечи над письмом.

На столе большой чайник, кружка, сахар, хлеб...

В печке совсем по-домашнему трещат дрова. В углу на нарах храпит смена...

ОКОШКО ВО ВСЕ СТРАНЫ

Комсомолец-ударник на погрузке.



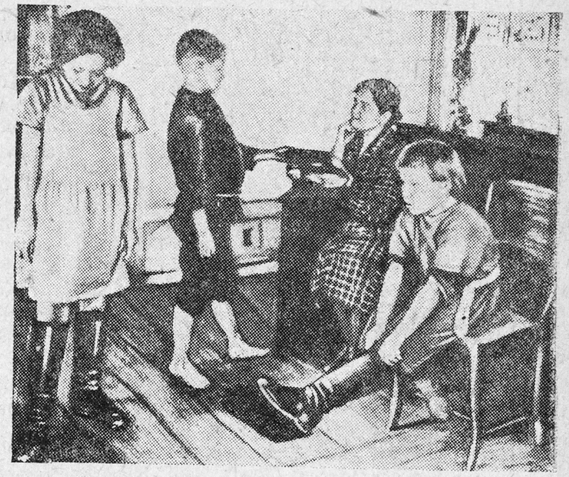
Строится новый копер—приспособление для спуска клети в шахту.

Пионер-узбек из колхоза им. Ворошилова на хлопковом поле.

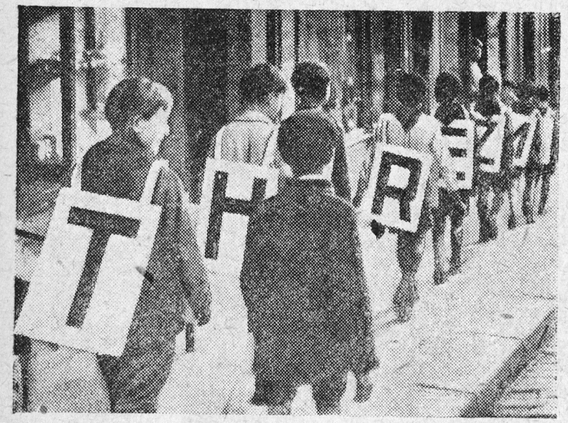
Пионер, будущий красноармеец, отмечает попадание в цель.

Образцовый птичник (Московская область).

Берлинские пионеры организуют в 1931 г. четвертый раз массовый пионерский лагерь. Снимок изображает сценку в лагере в 1930 г.



Беднейшим ученикам в Устьинской школе выдали обувь.



Демонстрация пионеров на улицах Парижа. Ребята призывают голосовать за коммуниста Торреза.

Устраиваете ли вы такие сборы в своей школе?

Вагон пионерской живгазеты.

Ученики обсуждают договор по соцсоревнованию.

СКАЖИТЕ, КАК ПРОЙТИ НА САХАЛИН

Текст Н. КАЛЬМА

Рисунки В. МАЗРУХО

Лето кончилось. Посохи и походные сумки брошены в угол. Схлынула до весны волна туристских походов.

В этом году мы еще не избавились от неорганизованных ходоков, от туристов-верхоглядов.

Еще есть среди ребят „путешественники“ типа Харикова и Кузнецова, которые с кило пельменей отправляются „открывать“ новую землю.

Бродяжничеству по Союзу мы должны противопоставить организованный плановый туризм.

Главный штаб путешествий — Общество пролетарского туризма — должен создать специальную секцию пионерского и школьного туризма.

Даешь секцию детского туризма!!!

— ВЫ КУДА летом?

— Да вот разрабатываю маршрут на Алтай, а вы куда?

— Мы с ребятами путешествовали по Карелии, а в этом году думаем махнуть на юг.

Сплошь и рядом на улице, в трамвае, в кино вы слышите такие разговоры. Раньше большинство жило спокойно и оседло. Никогда не случалось так, чтобы сибиряк стремился на Памир, а тифлисец мечтал попасть на Камчатку.

Теперь все переменилось. „Охота к перемене мест“ пробудилась даже у самых малоподвижных людей. Все хотят путешествовать, видеть, знать. Неумеющие грести мечтают на байдарке пробраться к Ледовитому океану, никогда не сидевшие на лошади хотят об'ехать всю Монголию на... верблюде.

С каждым месяцем растет число членов Общества пролетарского туризма... В этом году по СССР организованно путешествовало около полумиллиона человек, а сколько еще не зарегистрированных „единоличников“ бродило по Союзу.

Конечно больше всех и горячее всех мечтает о путешествиях молодежь. Путешествовать хочется до колик, но... „финансы поют романсы“, и вот начинается изыскивание всяческих способов добывания денег. „Мы стали втупик перед денежными затруднениями, как перед сломанным мостом,— пишет ученик фабзавуча завода им. Фрунзе,— но, не падая духом, мы договорились с администрацией, чтобы все черные работы сдавали нам. Потом осмелели и попросили отдать нам в ремонт станки. На этом зарабатываем 900 рублей, из которых 275 отдаем инструктору, а 625 — туристской ячейке“.

Иваново-вознесенские пионеры выдвигают свой „план“.

„Мы сильно заинтересованы в туризме и хотим пройти пешком по СССР. По пути можно будет подзарабатывать и итти дальше“. Путешествуют по Кавказу, Крыму, Сибири, Алтаю, Карелии. Ледовый поход „Красина“ возбудил большой интерес к нашим северным окраинам. Находившийся в Москве организатор экспедиции на Камчатку не знал, куда спрятаться от навязывающихся спутников. Ежедневно его телефон бывал загружен такими разговорами:

— Вы едете на Камчатку? Возьмите нас с собой.

— Но...

— Нам обеим — Тасе и Шуре — по пятнадцати лет, мы умеем стирать, шить, стряпать. Мы будем вам помогать.

(Телефон в изнеможении хрипел.)

— Тася будет ликвидировать неграмотность среди камчатников, а я организую курсы кройки и шитья для женщин... (Дзинь... Дзинь... Трр ..).

Север в нашу эпоху играет ту же роль, которую некогда играла Америка. Вы знаете, сколько ребят убежало когда-то „к индейцам“. Теперь „Монтигомо-Ястребиный коготь“ и „Черная пантера“ — забыты. Ребятам снятся белые медведи и северное сияние.

Путь беглецов лежит теперь на север. Двое таких „путешественников“, учеников омской школы, были задержаны местными властями возле Якутска. В их дорожных мешках оказалось два финских ножа, кило пельменей, книга Нансена и 12 рублей. На вопрос о цели путешествия оба — Хариков и Кузнецов — отвечали:

— Хотели открыть новую землю и увидать настоящих тюленей.

Но все это рассказывается здесь в виде курьезов. А вообще школьники и пионеры стремятся, как и все, к организованным летним экскурсиям, к плановому туризму.

К сожалению только очень немногие из ребят могут похвастаться участием в таких экскурсиях.

Почему?

Да потому, что Общество пролетарского туризма — этот штаб путешествий — до сих пор не создало специальной секции пионерского и школьного туризма.

В ОПТ есть секции лодочного, высокогорного, велосипедного туризма, составляются планы для военизированных походов молодежи, маршруты для пожилых рабочих — „тихоходов“, для женщин, а вот о пионерах и школьниках никто не удосужился подумать.

— Да уж мы думали, что надо бы создать отдел детского туризма, надо будет этим заняться, — вяло отвечают в ОПТ на настоятельные вопросы „Пионера“.

Из-за бездеятельности ОПТ ребята принуждены путешествовать „самотеком“. Это и дороже, и неудобнее, и, наконец, иногда даже опасней, чем путешествовать организованно, с руководителем. Хорошо, если у вас в школе есть толковый педагог, который возьмется руководить экскурсией, а если нет?

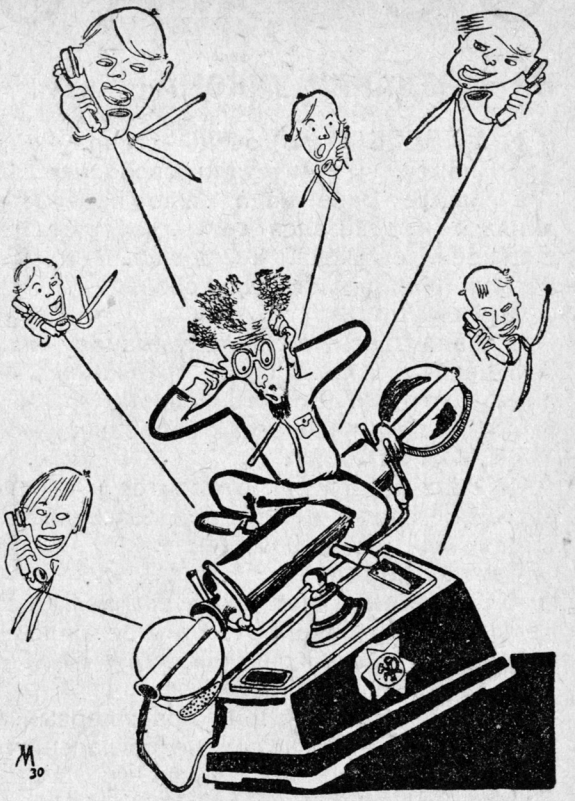
„Самотеки“ попадают иногда впросак. Иваново-вознесенские пионеры рассказывают такой факт из своего самостоятельного путешествия на Кавказ:

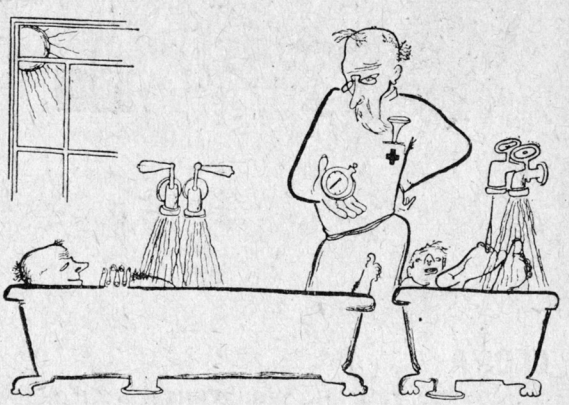
— Пошли мы в Мацесту, к целебным источникам по дороге, видим какие-то трубы и по ним вода бежит. Ну мы конечно сообразили, что это и есть целебный источник. Разделись и выкупались. Пришли в Мацесту, там встретили ребят из санатория. Они предлагают нам выкупаться. „Да мы уж говорим, в вашем источнике купались“. — „Где же это?“ Мы об'яснили... Ребята как захохочут: „Да ведь по этим трубам грязная вода из ванн стекает“. Вот какой конфуз вышел. Путешествовать „самотеком“ неудобно еще и потому, что ребята не получают никаких общественных заданий. Советский туризм не похож на буржуазный. Для буржуазного туриста прогулка в красивой местности важней, чем люди. Советский турист внимательней всего относится к людям, он видит их труд и в случае нужды поможет им. Турист подаст дельный совет, проведет беседу, принесет с собой книги и газеты. По программе ОПТ каждый его член является не только туристом, но и общественником-активистом.

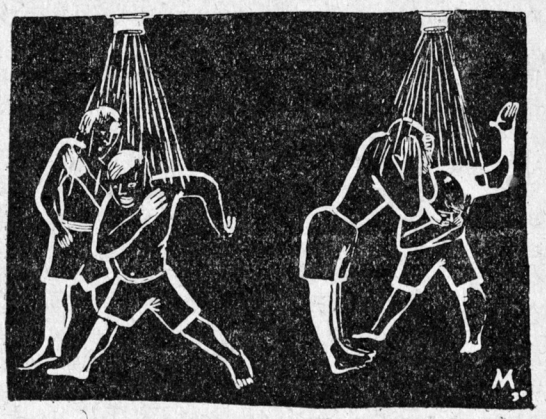
Предоставленные самим себе, пионеры-школьники должны сами придумывать и выполнять задания в пути. Несмотря на это, те экскурсии, которые проводились некоторыми школами, принесли не мало пользы жителям тех мест, где проходили юные туристы. Пионеры с. Робчик, путешествовавшие по Украине, организовали в целом ряде сел ячейки МОПРа и Осоавиахима, провели подписку на заем „Пятилетка“. Ореховозуевские школьники проделали большой поход за урожай. Пионеры Полтавщины организовали в ближайших селах несколько яслей. Тифлисские пионеры провели в аулах Кахетии радио.

Но все это делается самостоятельно, без планового руководства. Ребятам настоятельно нужна своя секция при ОПТ, которая разрабатывала бы маршруты и давала бы задания.

Даешь наш туризм!

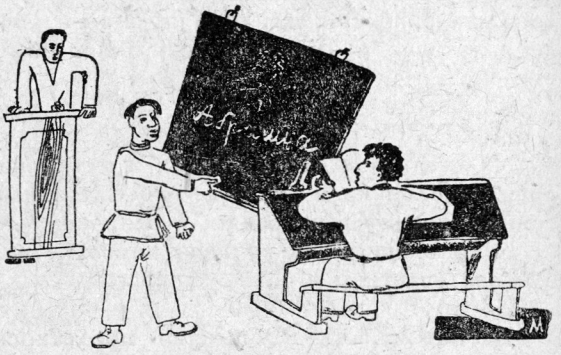






СОГЛАСЕН ЛИ ТЫ...

НА ЗАСЕДАНИИ УЧКОМА



В КЛАССЕ было очень тесно. Решили вынести одну парту, чтобы стало свободнее. Сидевшему на этой парте Ване надо было пересесть к Абраше. Ваня замялся и отказался сесть, говоря: „Ни за что не сяду с Абрашей, он жид". Вопрос был поставлен в учкоме, где ребята поспорили между собой.

Один говорит:

— Ваня вносит в советскую школу национальную вражду Это недопустимо. В среде трудящихся не может быть места антисемитизму. Все трудящиеся равны между собой. С антисемитами надо вести беспощадную борьбу.

Другой говорит:

— Ваня не зря так относится к евреям. Все возмущены евреями. Евреи всюду председательствуют и управляют. всюду хотят быть вождями.

Третий говорит:

— Никто не имеет права заставлять Ваню сидеть обязательно с Абрашкой, это личное дело каждого. С кем хочет, с тем должен сидеть. Учком здесь не при чем. Вопрос надо снять.

Напиши, кто по-твоему прав: первый, второй или третий, и почему. Если ни с кем не согласен, что ты сказал бы на заседании учкома?

ВЕЧЕРОМ ПОД ПАСХУ

Зоя, Ира и Настя—сестры. Они все неверующие, а когда пришла пасха, каждая из них поступила по-разному. Вечером под пасху мать говорит:

— Ну, ребята, идемте в церковь, а потом будем разговляться.

Зоя говорит:

— В церковь не пойду, разговляться не буду, а пойду в клуб, на антирелигиозный спектакль. И ты, мама, туда иди.

Ира говорит:

— В церковь не пойду, а разговляться буду, потому что люблю пасху и кулич.

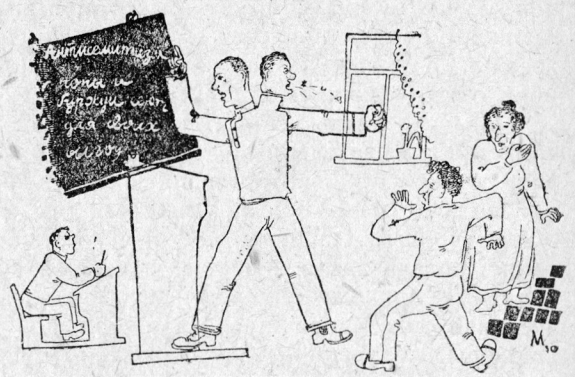
Настя говорит:

— Мама, они обе нехорошие. Я тоже в бога не верую, но не буду тебя огорчать. Я и разговляться буду и в церковь пойду.

Как ты поступил бы?

Почему поступил бы именно так, а не иначе?

ССОРА



Ребята узнали, что учитель Кондрат Петрович часто ссорится со своими соседями по квартире, евреями. Иначе, как „жиды", он их не называет. А в классе Кондрат Петрович говорит о том, что все народы равны и что антисемитом быть нехорошо. И пошли споры среди ребят.

Одни говорят:

Советский учитель должен не только на словах, но и на деле показывать пример, как нужно относиться к другим нациям. А если он волк в овечьей шкуре, на словах против антисемитов, а сам на квартире «жидом» ругается,— не место ему в советской школе.

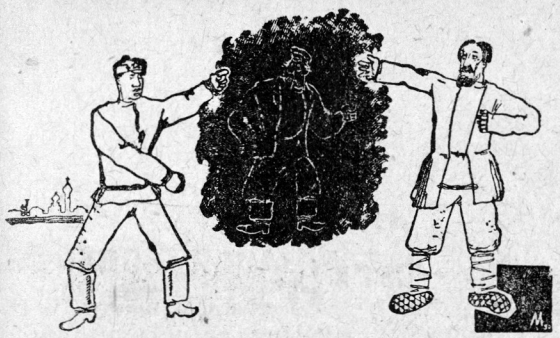
Другие возражали:

— Какое нам дело до того, что делает учитель у себя на квартире. Это его личное дело. И если из-за квартирных споров у него и получились какие-то недоразумения с соседями, наше дело—сторона.

Третьи сказали:

— Конечно, в советской школе учитель не может быть антисемитом.. Но ведь на уроках-то он не ругается, учеников жидами не обзывает и свой предмет преподает хорошо. Так не зачем его судить.

ВЫБОРЫ В СОВЕТ



В деревне Колпово во время выборов в советы была выставлена кандидатура зажиточного крестьянина Андротова.

Выступил демобилизованный красноармеец и эту кандидатуру отвел, заявив, что в советы нужно избирать только бедняков и середняков. Высказались крестьяне.

Один заявил:

— Почему нельзя выбирать зажиточного? Разве он не крестьянин? Все мы — единая крестьянская семья, и нечего нас раз'единять. Если Андротов умеет хорошо работать и большинство за него, то его можно избрать.

Другой говорил:

— Мы против кулака, но Андротовым крестьяне довольны. Он в тяжелую минуту оказывает помощь денежной ссудой, продает нам хлеб по дешевой цене. Андротов хорошо хозяйствует, он умеет хорошо работать и его нужно выбрать.

Третий сказал:

— Подачкой и подкупом кулак пытается привлечь на свою сторону отсталую часть бедноты и середняков. Но это ему не удастся. Красноармеец прав. В совет нужно избирать не Андротова, который хорошо хозяйствует для себя, а таких, которые будут защищать интересы бедноты и помогут коллективизировать деревню.

Кто по-твоему прав: первый, второй или третий, и почему?

Если ты ни с кем не согласен, напиши свое мнение.

ПОСЛЕ ПОЖАРА

В одной деревне сгорела церковь. Пошли у народа деньги собирать на постройку новой. Комсомольская ячейка выпустила воззвание к крестьянам: „На новую церковь денег не давать. Давайте собирать деньги на избу-читальню".

На общем собрании школы обсуждался этот лозунг комсомольцев и в связи с ним вносятся разные предложения.

Один предлагает:

— Поддержать комсомольскую ячейку и агитировать родителей за то, чтобы давали деньги на избу-читальню, а не на церковь.

Другие говорили:

— Мы в это дело не должны вмешиваться. Кто верует, пусть дает на церковь, а кто не верует, пусть не дает. При чем тут школа?

Третьи говорили:

— Комсомольцам все равно—они в бога не веруют и им церковь не нужна. Что же делать нашим родителям, которые веруют в бога? Куда им итти молиться? Им церковь необходима, и мы должны им помочь, а не мешать.

Вопрос ставится на голосование.

За что бы ты голосовал, если бы ты присутствовал на этом собрании,— за первое, за второе или за третье?

Об'ясни, почему ты голосовал бы именно за это.

ИЗ МОСКВЫ В МИНСК

Отец Вани переехал из Москвы в Минск. Когда он поступил на работу в советское учреждение, ему пред'явили требование, чтобы он изучил белорусский язык.

В семье все были этим недовольны.

Ваня рассказал об этом товарищам по школе. Завязался оживленный спор.

Одни говорили:

— Рабочие и крестьяне Белоруссии говорят по-белорусски, и каждый работник советского учреждения обязан говорить с ними на их родном языке, а не на том, на каком ему нравится.

Другие утверждали:

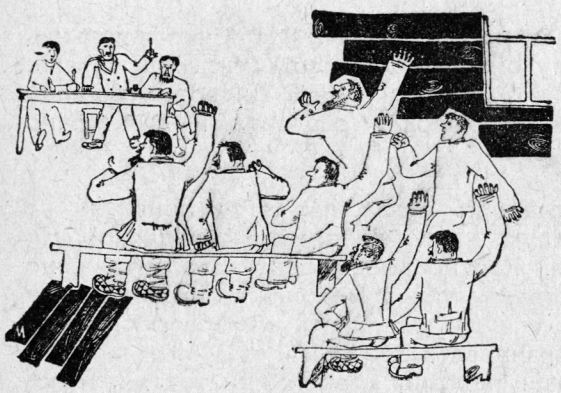
— Обязательное требование изучения белорусского языка есть издевательство над русскими. Лучшие работники вынуждены поэтому оставлять Белоруссию и уезжать в Россию

Третьи заявили:

— Действительно, очень неприятно изучать этот белорусский язык. В самом деле, какой это язык? Но что поделаешь? В конце концов не так уж трудно сдать то, что требуют, иначе без службы останешься.

Если бы с твоим отцом произошло то, что с отцом Вани, то как бы ты отнесся к этому: как первые, вторые или третьи, и почему?

Если ты ни с кем из них не согласен, то что ты сказал бы по поводу рассказа Вани?



ОРГАНИЗАЦИЯ КОЛХОЗА

В деревню приехал представитель окружной власти и в своем докладе на сходе призвал крестьян организовать колхоз.

По докладу разгорелись горячие споры.

Одни утверждали:

— В одиночку крестьянину никогда не выбраться из нищеты и отсталости. Только при коллективном хозяйствовании обеспечивается общий под'ем деревни. Колхозы — путь социалистического переустройства деревни.

Другие говорили:

— Ничего не даст колхоз. Где нет личной заинтересованности, там не может быть никакого под'ема хозяйства. Лодыри охотно ухватятся за колхоз, а трудового крестьянина туда не заманишь.

Третьи заявили:

— Вступить в колхоз — дело личное. Кто хочет, пусть вступает, а кто не хочет—пусть работает на своей земле.

Насильно тянуть в колхозы нельзя и никаких льгот им оказывать тоже не нужно.

Вопрос ставят на голосование.

За что бы ты голосовал, если бы имел право голоса на сходе, и почему именно за это?

Если ты ни с кем не согласен, напиши свое мнение.

НА ДОКЛАДЕ

В кружке текущей политики Петя сделал доклад и сказал:

— Вот уже скоро у нас будет социализм.

По докладу разгорелись большие споры.

Одни утверждали:

— Петя прав. Мы строим крупные фабрики и заводы. В сельском хозяйстве строим совхозы, колхозы и коммуны, побеждаем частника, кулака. Быстрыми шагами мы идем к тому времени, когда не будет разрыва между городом и деревней, когда не будет классов. Скоро, скоро будет социализм.

Другие заявили:

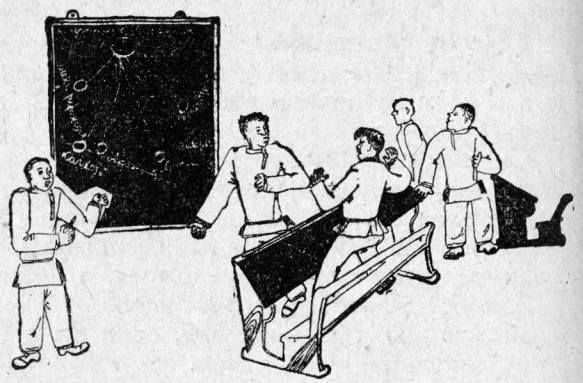
— Какой это социализм! Мяса мало, хлеба мало, мануфактуры нет, в кооперативах очереди. Жить стало очень трудно, нужно думать не о социализме, а о том, чтобы очередей не было.

Третьи говорили:

— Петя увлекается. Социализм будет, но не так скоро, как он думает. И зачем спешить, когда от трудностей можно надорваться и погубить революцию? Лучше итти медленнее и осторожнее.

Кто по-твоему прав: первые, вторые или третьи, и почему?

Если ты ни с кем не согласен, напиши свое мнение.



ПИОНЕР, ОТ КНИЖНЫХ ВЫСОТ—В РАБОЧИЕ ГУЩИ
ВЫУЖИВАТЬ ЛОДЫРЕЙ И ПРОГУЛЬЩИКОВ!

В ПЛЕНУ У БАСМАЧЕЙ

На Ташкентском аэродроме, скрытом за городом в песках, около ангаров — серебристая металлическая птица. За семь лет непрерывной службы она побывала и за полярным кругом, летала на далекий остров Врангеля, десятки раз „седлала“ высочайшие горы Азии. Сейчас ее мотор исследует несколько аэродромных механиков с борт-механиком самолета Егоровым во главе.

Полет через Гиндукуш — не шутка, особенно зимой. И Егоров частенько поглядывал на юг, где в туманных испарениях дождливого декабрьского дня скрывались далекие грозные хребты Гиндукуша.

Немного поодаль расположился пилот Терехов.

Окончив просмотр, механики заправили мотор, наполнили баки горючим и маслом, завели его и сгоняли на малых оборотах. Мотор ревел уверенно и ровно. Летчик и механик заняли места в пилотской рубке. Полный газ, и после минутного разбега самолет уже в воздухе.

Шел перемежающийся дождь, и легкий ветер дул с правого борта. Самолет набрал высоту и по компасу пошел через горные хребты к границе Афганистана. Мотор работал хорошо, и через два часа пути вдали показались Сураханская долина и пограничный город Термез, окаймленный лентой Аму-Дарьи.

Самолет пошел на посадку и скоро остановился у крепостных стен. Начальник гарнизона распорядился поставить караул. Летчики долго грелись, прежде чем лечь отдыхать.

Утром, завизировав паспорта, летчики поднялись с термезского аэродрома. Перелетев мутную Аму-Дарью, они очутились над территорией Афганистана. Внизу — горки, холмы, желтоватая песчаная степь. Промелькнул и скрылся в горах первый афганский город Таш-Курган, а вдали уже растет и ползет навстречу недруг пилотов линии Ташкент—Кабул хребет Гиндукуш.

Впереди в грозных, скрывающихся в куполе неба вершинах разорванные облака — признак близкой бури. Машина резко идет вверх.

Высота 5 000 — 5 200 метров. Скалы идут почти вровень с крыльями. Вой и визг ветра, рев мотора. Самолет вот-вот нанесет на скалы.

В полдень после долгой борьбы с горными воздушными течениями сквозь разорванные клочья туч летчики увидели внизу долину. По ней вдалеке прихотливо вилось шоссе, ведущее в Кабул.

„Чирикар! Конец горам! Перевал!“ радостно подумал Терехов. Но в этот момент в реве мотора ясно послышался необычный лязг, компасная картушка закрутилась в бешеном танце, а пилотская рубка задрожала, словно готовая оторваться.

Мотор затрясло. Очевидно в нем произошла серьезная поломка. Пришлось сбавить газ, а до Кабула еще 60 километров. Текли тревожные минуты. Перед самым аэродромом, занесенным снегом, не имеющим никаких опознавательных знаков, мотор остановился. Аэродромная „колбаса“ — конусообразный мешок, надуваемый ветром и показывающий направление его,— запутана вокруг шеста.

С большим трудом, не зная направления ветра, удалось опуститься советским летчикам. Их никто не встретил. Да летчики и не ожидали встреч, а сразу же принялись за осмотр мотора. Оказалось, что во время полета лопнул коленчатый вал мотора.

„Мы в западне, — одновременно подумали и летчик и механик.— Ждать вал из Ташкента — несбыточная мечта“.

Где-то вдали грохотали орудия. Кабул был осажден. Кугистанцы во главе с Баче-Сакао заняли окрестные горные проходы.

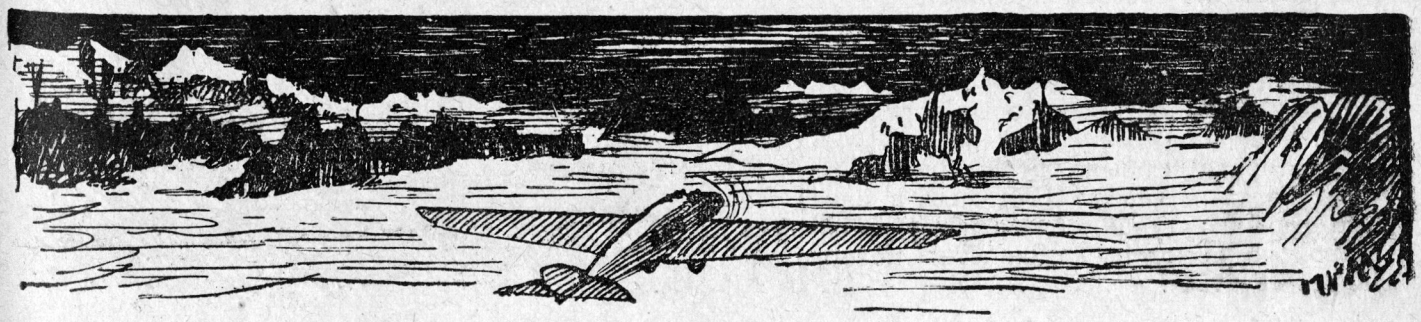
Лишь через час, с большим трудом соединившись по телефону с посольством, летчики вызвали автомобиль.

Оказалось, что их не ждали. Так невероятен был их прилет в зимнюю пургу, которая только что замела улицы города снегом.

„Вряд ли поможет посылка радиограммы в Ташкент о доставке нам запасного вала“, думал Егоров, ложась спать, в то время как Терехов бесконечно продолжал свой ужин.

Эвакуация посольства была уже почти закончена. На самолете Терехова должны были отправиться только женщины и дети, эвакуация которых земным путем была бы опасна, так как по всей стране бродили разбойничьи шайки.

В посольстве остались немногие сотрудники. В комнатах было пустынно и тихо. Лишь две девочки, восьмилетняя Леля и шестилетняя Нина, дочери сотрудников, играли там в прятки. С громкими криками носились они по зданию посольства. Тут же слонялись и Терехов с Егоровым. Было и скучно и немного тоскливо.



Стало уже известно, что самолеты из Ташкента более не прилетят, а получить вал от правительства Амануллы-хана было сомнительно. На утро Терехов с Егоровым поехали на аэродром и там достали у немецкого летчика, прилетевшего для эвакуации посла, запасный вал. Они долго провозились у мотора и лишь поздно вечером возвратились в посольство.

Ночью в городе погасло электричество, начался уличный бой, и скоро в Кабул ворвался предводитель восставших против Амануллы-хана племен Баче-Сакао. Несколько дней из дома посольства нельзя было без риска выйти на улицу, и это время летчики и другие обитатели посольства жили в ежедневной тревоге за свою судьбу.

Лишь по истечении значительного времени возобновились сношения с оставшимися в городе посольствами. Летчики получили пропуск на аэродром, имея задание от посла срочно приготовить самолет для эвакуации женщин, детей и документов посольства.

Терехов и Егоров отправились к самолету. Аэродром никем не охранялся. Ангары были открыты, и в одном из них они увидели свой самолет, но в каком состоянии!

Из пилотской рубки были унесены часы, были похищены лежавшие в пассажирской кабинке меховые костюмы и валенки, все запасные части были выброшены и валялись на полу.

К счастью мотор оказался цел. После долгой и упорной работы самолет был приведен в порядок.

На утро был назначен вылет.

В пассажирской кабине поместилась жена одного из сотрудников посольства с грудным ребенком, а к ней, словно цыплята к наседке, прильнули Леля и Нина. Оглядываясь в полете изредка назад, Терехов видел, что „наседка“ очевидно чувствовала себя не в своем гнезде.

И неудивительно. Мороз в горах достигал 40°, так что в пассажирской кабинке было довольно холодно. Первое время самолет летел над облаками, над поверхностью которых изредка виднелись острые пики скал.

Ориентироваться было трудно, но летчик упорно пробивался на север. Шли часы, а внизу все та же картина: туман, облака и горные хребты. Вдобавок ко всему начал „кипеть“ мотор. Приходилось садиться.

Когда, по расчетам летчика, до Термеза оставалось еще около 200 километров, среди тумана показалось „окно“. Самолет резко нырнул вниз и сразу же сделал крутой вираж: на пути выросла высокая отвесная скала. Летчик не растерялся, успел повернуть, и скоро колеса самолета загремели по мелким камням узкой извилистой долины.

Жилья не было видно. В долине тоже был сильный мороз. Когда летчик пошел искать людей, чтобы достать воды, маленькие пассажирки заплакали. Напрасно их утешал Егоров, строя смешные гримасы и стараясь заставить детей засмеяться. И ему также было невесело: с трех сторон долину окружали высокие черные горы, а с востока шла сплошная пелена тумана.

Через некоторое время в той стороне, куда ушел Терехов, послышались крики и выстрелы. Пассажирки заплакали еще сильнее...

Несколько минут спустя крики усилились, и из тумана показались фигуры всадников. Они под'ехали к самолету и окружили его. Один из всадников, с кривой саблей в руке, опасливо под'ехел к Егорову и заговорил по-русски:

— Военные?

— Нет, мы штатские.

— Зачем попали?

— Случилось несчастие с самолетом.

— Веруете вы в бога?

Механик было замялся, но, вспомнив о детях, сказал:

— Конечно веруем. Что за вопрос?

— А это что у тебя?— ткнул предводитель шайки в растопырившийся карман Егорова.— Патроны?

— Это компас,— отвечал, вытащив из кармана компас, Егоров.— Компас,— повторил он.— Когда я молюсь в чужом месте, то этот прибор показывает мне восток.

— А-а-а...— милостиво улыбнулся „вождь“.

В это время подвели Терехова, который упирался и тщетно старался стряхнуть насевших на него басмачей.

Предводитель махнул рукой, издал какой-то гортанный звук, и Терехова отпустили.

Толпа спешившихся всадников совершенно зажала самолет. Они уже хотели было забраться в кабинку, но Терехов достал из пилотской рубки мешок с серебром.

Вождь разговаривал уже с ним:

— Теперь ты будешь летать у меня. Что у тебя в мешке?

— Деньги. Продай мне воды.

— Воды? — изумился вождь.

— Да, воды. Напоить самолет.

Вождь отдал какое-то приказание, и двое всадников поскакали в сторону.

Между тем басмачи уже прилипли к окнам самолета, стараясь узнать, что там находится.

И в этот момент простыня, закрывавшая окна одной из сторон самолета, упала...

Вождь, заметивший в испуге отшатнувшуюся в глубь пассажирской кабины женщину, блеснувшую взглядом, вздрогнул, но сдержался и неторопливо под'ехал к окнам.

Увидев опасность, Терехов бросил в толпу несколько серебряных афганских монет из мешка, что ему предусмотрительно передал перед отлетом посол.

— Пейса [1], пейса! — закричали басмачи и, чуть не смяв своего вождя, бросились в сторону, где валялись монеты.

„Ого, — подумал летчик. — Здорово на них монеты действуют!"

Пользуясь свалкой, он заглянул в окно пассажирской кабинки и нашел в себе силы ободряюще улыбнуться. Через несколько минут всадники привезли воду, и Егоров налил ее в радиатор.

Вождь, оттиснутый своими подчиненными от самолета, плотоядно взглянул на мешок и, переведя глаза с мешка на пассажиров, заговорил:

— Сейчас ты поедешь на своей шайтан-арбе со мной. Ты будешь работать у меня, а не то...

И он сделал характерный жест ладонью по горлу.

Басмач издал какой-то резкий крик, что-то затараторил на своем языке, и десяток всадников схватили самолет за крылья и попробовали его сдвинуть с места.

Самолет, увязший колесами в снегу и мелких камнях, не подавался. Он словно врос в землю.

Вождь издал новое приказание и под'ехал к летчику:

— Пусть твоя шайтан-арба едет к мечети!..

Терехов взглянул на Егорова. Тот понял без слов и, выскочив из самолета, схватился за пропеллер...

Как только неожиданно для басмачей взревел мотор, толпа отхлынула от самолета, лишь вождь, немного от'ехавший от рубки в сторону, держался

за скобу самолета, очевидно собираясь отвезти его в ближайшее селение.

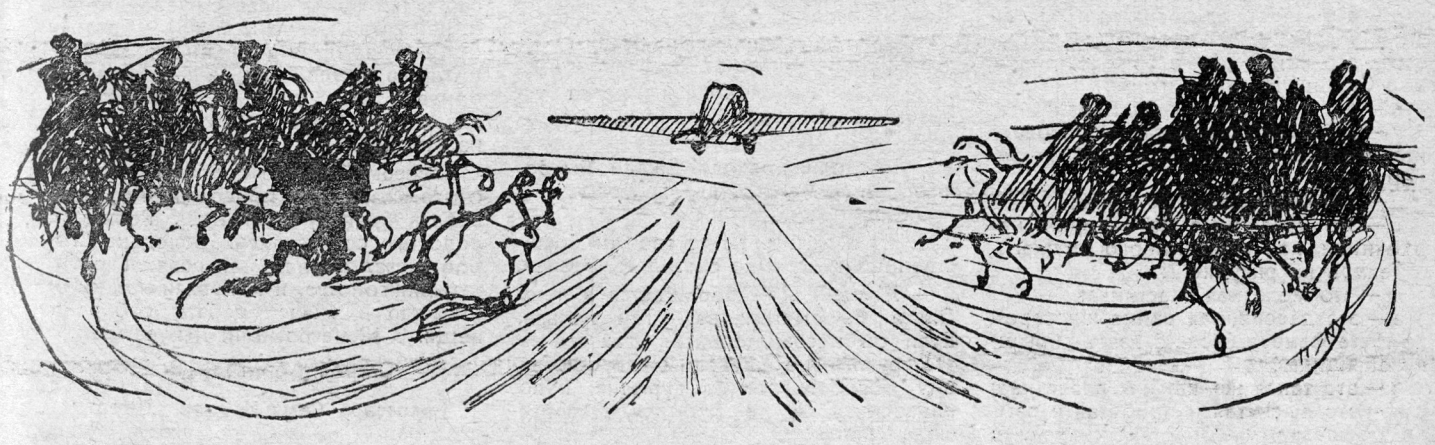
В это время Терехов подмигнул Егорову и дал полный газ. Самолет прыгнул вперед, и уже сверху Терехов увидел, как, отброшенный крылом в сторону, нелепо и смешно бился на земле вместе с лошадью вождь.

Люди внизу забегали, засуетились.

„Сейчас пойдет стрельба", подумал Терехов, а впереди уже выросла скала. Чтобы подняться из ловушки и набрать высоту, надо было по крайней мере раза два пройти над басмачами.

„Застрелят детей", подумал летчик. Схватив мешок с серебром и снова пролетая над бесновавшейся внизу толпой, он высыпал все серебро вниз. Когда самолет в третий раз, уже на большей высоте, промчался над местом бывшего пленения его, внизу дрались и грызлись люди и бегали встревоженные, напуганные ревом мотора лошади. Через час самолет прибыл в Термез.

[1] Деньги.



Сергей Сутоцкий

КНИГОНОШИ

Из дневника ударной бригады, ездившей работать по книгоношеству в колхоз и деревню Паньково.)

14 июля.

Сегодня наша ударная бригада выезжает в деревню. Весь день прошел в хлопотах. Володька Егоров ходил в издательство договориться о том, чтобы мы получили сумки, подобрал еще литературы.

Орлов ходил за билетами на вокзал. Мариев и Замотаев писали плакаты, другие ребята упаковывали вещи, книги, а девчата ходили за шамовкой на дорогу.

15 июля.

Приехали.

— Товарищи! Это из Москвы поезд?— спрашивает бегающий в толпе крестьянин. — А где тут бригада пионерская? Эй, товарищ! Ты не из московской бригады?

Сенька, к которому обращался крестьянин, остановился.

— Да! А что?

— Да вот меня от нашего колхоза с лошадью за вами послали.— Сенька позвал ребят, и мы, усевшись на подводу, с песнями и смехом покатили в колхоз.

Приехали.

Немного отдохнув, Егоров и Сенька пошли в общественные и партийные организации колхоза, а остальные ребята остались и начали приготовления к завтрашнему выходу в деревню.

Руководить подготовкой было поручено Мишке Дворкину, который сперва роздал всем пионерам работу, а потом ходил от одного к другому, помогал им, давал указания.

— Вот что,—сказал Мишка, подойдя к пионерам, раскладывавшим книги в сумки,— хорошо бы что-нибудь в роде рекламы сделать.

— Хочешь, изобрету? — спросил подошедший к нему Сережка „Эдисон“.— В момент!

Сережка убежал во двор, а ребята продолжали работу.

Через полчаса он вернулся и принес щит с книгами на кнопках

Вот он здесь нарисовал:

Рисунок 1 — это вид его с лицевой стороны, а рисунок 2 — с задней стороны.

А буквы эти обозначают вот что:

а — это фанерная доска, разм. 45×50 см;

б — это книги самые боевые (например Сталин, Нуринов и др.);

в — это из фанеры сделанная книга;

г — это знак Госиздата, нарисованный на бумаге и наклеенный на фанеру;

д — это обыкновенная палка;

е — это сделанные из материи наплечники, как у заспинного мешка.

Теперь на рисунке 2:

ж — это железная пластинка;

з — это деревянная рамка, к которой прибита фанера (можно взять и крышку от ящика);

и — это такая же, как и ж, пластинка;

к — это выгнутая и прибитая к рамке з железка. Эти три пластинки—ж, з и к — позволяют папку д вставлять и вынимать.

— Вот! Изобрел! — сказал Сергей, показывая на щит.—Ну-ка, Миша, одень его. А теперь сумку одень. Так! Вот и витрина на тебе, и сумка. А если тебя обступят кругом, то издали виден будет значок Гиз'а и надпись „Книгоноша“.

Пришли Егоров и Сенька.

— Мы сейчас были в ячейке комсомола, — сказал Егоров, когда бригада садилась за стол. — Завтра в 6 часов утра мы пойдем в деревню Паньково, с нами пойдут еще три пионера здешнего колхозного отряда, а послезавтра мы собираем пионерский актив, где Сенька сделает доклад. А сейчас слушайте распорядок на завтра. Общее руководство я беру на себя. Мы разбиваемся на три группы. К каждой группе прикрепим пионера из этого отряда, который должен присмотреться к нашей работе.

Дальше Егоров рассказал, как надо приходить в избу, как предлагать книгу и т. д.

— Ребята! — сказал Мишка Дворкин, когда все уже лежали и было потушено электричество. — Я вношу предложение: в виду того, что по всему Союзу фунты и арщины заменены метрическими мерами, переименовать Сеньку из „Полуфунтика“ в „Двести граммов“.

Ребята засмеялись. Предложение принято.

17 июля.

Вчера в половине шестого утра вся бригада была на ногах. Пришли и пионеры из колхоза. Хорошие ребята!

— Готовы, ребята? — спросил Володька Егоров, делая сразу три дела: вытираясь, осматривая приготовленные сумки и разговаривая с ребятами.—Значит, разбиваемся на три группы... Шея у меня не грязная? А почему эта сумка меньше?

Старостами выбрали Дворкина Орлова и Олю Сыромятникову. Пришли в деревню. Первая группа пошла с правого конца, вторая — с левого и третья — с середины.

Заходим в дом. Стучим. Открывают окно.

— Что надоть, ребятки?

— Книжек, дедушка, не нужно?

— А какие книжки?

— Сталина „Головокружение от успехов“, Зиновьева „Задачи хлебозаготовок“.

— Проходи, проходи! Ежели бы божественное что-нибудь...

Окошко захлопнулось.

— Ну и вались ты со своими божественными,—громко сказал Журавлев.

— Журавлев! — обращается к нему Ольга Сыромятникова. — Так нельзя. Если он несознательный, так его за это ругать не следует. Надо помочь ему освободиться от дурмана, надо разъяснить, а не ругаться. Давайте сюда зайдем.

Заходим.

— Здравствуйте, товарищи.

— Здрасте. Что скажете?

— Вот книжечек принесли. Купите

— Да денег нет. Книжки-то, небось, дорогие? Вы заходите в горницу-то.

— Недорогие есть книжки. Вот Сталина „Ответ товарищам колхозникам“, с приложением постановления Центрального комитета партии о льготах колхозам, стоит 3 копейки. Купите.

— Три копейки — это можно.

Лучшими агитаторами за книгу были ребята, которые обступали книгонош и тащили к ним матерей за книгами.

В одной из изб, где жили беднейшие крестьяне, по несознательности не вступившие в колхоз, бригада дала бесплатно Молотова „О колхозном движении“, Сталина „Головокружение от успехов“ и „Ответ товарищам колхозникам“, Крупской „Что говорил Ленин о колхозах“ и еще несколько детских книжек.

Расходы бригада взяла на себя.

Обошли еще несколько домов и пошли обратно в колхоз.

Сегодня одна группа ребят пошла в библиотеку, проверила книги, предложила изъять вредные и провела беседу с ребятами о книге.

Другая группа беседовала с агрономом и доктором и составила для колхоза библиотеку.

Третья группа ходила в детский сад и там встретилась с руководительницей сада, выдвиженкой, которая попросила указать ей книги по воспитанию детей. Так как с собой у бригады этих книг не было, то мы взяли у нее адрес и обещали выслать из Москвы.

Вечером были на собрании пионерского актива, где предложили организовать бригаду книгонош. Ребята с радостью согласились. Володька Егоров сделал доклад, как должен работать книгоноша, и мы взяли над ними шефство. Сейчас ребята собирают вещи. В 12 часов ночи мы уезжаем.

Староста бригады **В. Егоров**

Секретарь **Сеня Жуков „Двести граммов“**

Сергей Гуров

ЧУГУН, СТАЛЬ, ЖЕЛЕЗО

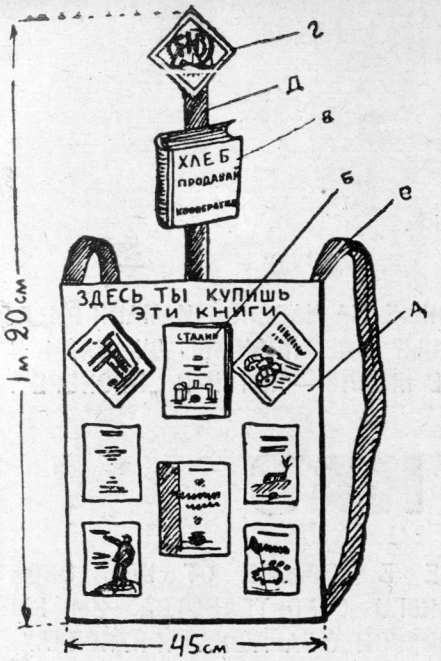


Рис. 1.

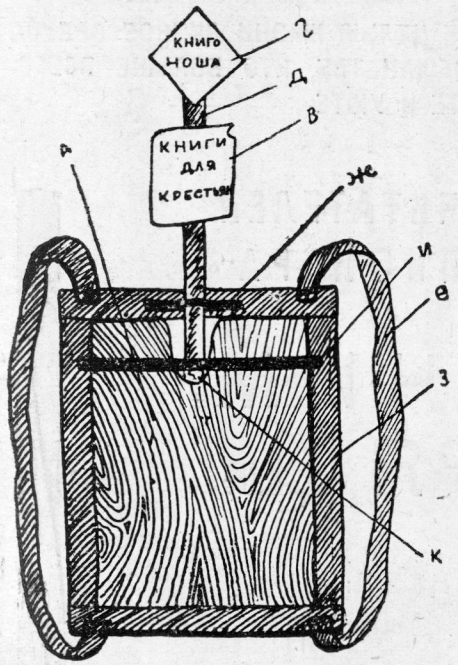


Рис. 2.

Эти рисунки к очерку „Книгоноши".

МНОГИЕ ребята удивятся, если им сказать, что кухонная сальная сковородка, лист кровельного железа и блестящее колесико из часов — родные братья. По внешнему виду материал, из которого они сделаны, — чугун, железо и сталь — очень различен. Но это различие только кажущееся, а при внимательном изучении оказывается, что состав их один и тот же. И чугун, и сталь, и железо, с которыми нам приходится иметь дело, — это смесь, сплав химически чистого железа с углеродом. Обнаружить это без довольно кропотливой лабораторной работы нельзя; поэтому мы примем это на веру, тем более, что данные этих опытов совершенно бесспорны.

Итак можно сказать: чугун и сталь — это раствор угля в железе. Если в расплавленное железо положить кусок угля, уголь немедленно растворится и по охлаждении мы будем иметь уже не железо, а либо сталь, либо чугун, в зависимости от процента угля, вошедшего в состав. Если в сплаве имеется около 4-5% угля — это чугун, если от 0,08 до 1,2% — это сталь, если от 0 до 0,07% — железо.

За последние двадцать лет к стали начали примешивать различные металлы, так как опыт показал, что от присутствия их сплавы становятся еще крепче. Так появились специальные сорта инструментальной, так называемой „быстрорежущей" или „самозакаливающейся" стали. Есть сталь хромовая, хромоникелевая, ванадиевая, вольфрамовая и др. Некоторые сорта стали, полученной таким образом, настолько тверды и так хорошо противостоят другим металлам, что при обработке даже самых твердых металлов не тупятся долгое время и продолжают резать даже тогда, когда от трения нагреваются докрасна.

При изучении строения и свойств металлов и в частности чугуна, стали и железа часто пользуются микроскопом. Делается это так: кусок металла, например стальную полоску, чисто опиливают и полируют, а затем протравливают кислотой. Оттого, что полированную поверхность помажут кислотой, на ней появляется „рисунок". И этот рисунок отличает не только один металл от другого, но и разные сорта одного и того же металла. Если мы имеем дело с железом, сталью или чугуном, этот рисунок будет представлять собою зерна, при чем зерна эти могут быть настолько крупными, что их прекрасно видно простым глазом.

Для примера рассмотрите хорошенько эти рисунки, которые представляют чистое железо, осевую сталь, рельсовую сталь и закаленную инструментальную сталь.

С помощью микроскопа всегда можно определить, с каким металлом мы имеем дело. Для того чтобы показать, насколько разнообразны бывают кристаллы (зерна) металлов, я привожу другой рисунок, на котором изображены белый чугун, серый чугун, инструментальная сталь и прокатная сталь.

С помощью микроскопа установлено также, что строение металла изменяется от нагревания и от быстроты охлаждения.

Когда люди построили микроскоп и научились им пользоваться для изучения строения металлов, удалось точно установить, что такое закалка и отпуск стали.

При нагревании стали происходит выделение угля из железа. Если довести нагревание стали до температуры светло-красного каления и потом дать ей медленно остыть, весь уголь выйдет из железа и сталь станет мягкой. Если же нагрев стали и ее охлаждение производить очень быстро, то для выхода угля из железа будет недостаточно времени и частички железа и угля застынут на месте в определенном для каждого сорта стали строго выдержанном порядке. Так получится крепкий раствор угля в железе. Это есть закаленная сталь.

После чрезвычайно быстрого охлаждения сильно нагретой стали закалка бывает так крепка, что инструмент становится хрупким. Чтобы этой хрупкости избежать и уничтожить ее, приходится сталь отпускать. Отпуск состоит в том, что закаленную сталь вновь нагревают до температуры, значительно более низкой, чем температура каления (в пределах от 200 до 300 градусов по Цельсию).

Тогда частички угля и железа изменяют свои взаимоотношения. Часть угля при этой температуре растворяется в железе. Сталь становится менее твердой, но зато и менее хрупкой.

Для того чтобы остывание закаливаемой вещи сделать более медленным, что нередко требуется для достижения наибольшей эластичности, скажем, резца или пружинки, ее охлаждают в масле, в парафине, в керосине и т. п.

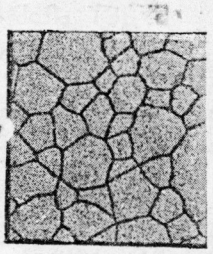
Я ничего не сказал об основных свойствах описываемых металлов, так как хрупкость чугуна, легкая ковкость железа и крепость стали всем известны. Скажу только, что для некоторых технических целей иногда бывает необходима такая деталь, которая бы совмещала в себе сразу и свойства чугуна и свойства железа, т. е. в ней должно быть так много угля, как в чугуне, и в то же время она должна коваться, как железо. В настоящее время техника уже добилась такого совмещения и мы имеем в своем распоряжении так называемый „ковкий чугун".

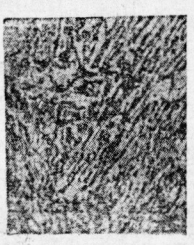
Надо сказать, что в настоящее время техника добилась очень многих вариаций в выделке чугуна, стали и железа — имеются десятки сортов того и другого. Но основные их качества те же, что описаны здесь.

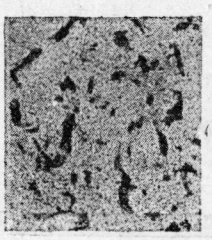
СТРОЕНИЕ ЖЕЛЕЗА,

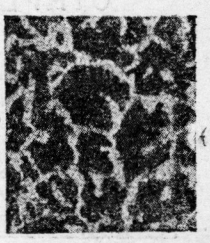
ЧУГУНА и СТАЛИ

ПОД МИКРОСКОПОМ









Редколлегия СтАт А4—210×297 мм. Ответственный редактор *И. Разин*

Главлит № Б—456. Отпеч. в 7-й тип. «Искра Революции» Мосполиграфа. Москва, Филипп. п., 13. З. Т. 2942. Тир. 39.200.

10 коп.

53412

„ПИОНЕР“

МЫ НЕ ЧИТАЕМ

ГОВОРЯТ РЕБЯТА, ВОСПИТАННЫЕ НА ЧАРСКОЙ И МАЙН-РИДЕ. ГДЕ СЛЕДОПЫТЫ И ИНДЕЙЦЫ? ГДЕ КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ И РЫЖИЕ ДЕВОЧКИ? ИХ НЕТ В ЖИЗНИ — НЕТ И В „ПИОНЕРЕ“.

„ПИОНЕР“ НЕ ДЛЯ НАС

ГОВОРЯТ РЕБЯТА, СТОЯЩИЕ В СТОРОНЕ ОТ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. ИМ БЫ РАССКАЗИКИ С РОЗОВОЙ ВОДИЧКОЙ О БАРАШКАХ И КУКОЛКАХ, СКАЗОЧКИ О КЛАССОВОМ МИРЕ.

„ПИОНЕР“ СКУЧЕН

ДЛЯ ТЕХ, КТО СТАВИТ СЕБЕ ЦЕЛЬЮ ЖИЗНИ ЛИЧНОЕ ПРЕУСПЕВАНИЕ, КТО ПОГРЯЗ В МЕЩАНСТВЕ, КТО БОЛЬШЕ ВСЕГО ЗАБОТИТСЯ О СВОЕМ ЖИВОТЕ И УЮТЕ.

„ПИОНЕР“ БЬЕТ

ПОСОБНИКОВ КЛАССОВОГО ВРАГА;
ДЕЛЯЧЕСТВО;
РАБСКИЕ ТЕМПЫ;
БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ГЛУПОСТЬ;
ЛЕНЬ;
СТАРЬЕ.

ОТВЕТ ДРУЗЕЙ ЧИТАТЕЛЕЙ „ПИОНЕРА“

УВЕЛИЧИМ СВОИ РЯДЫ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 12 мес.	4 р.
„ 6 „	2 „
„ 3 „	1 „

Цена отдельного номера — 15 копеек

НА НОВОМ, ВОСЬМОМ ГОДУ СВОЕЙ ЖИЗНИ „ПИОНЕР“ БУДЕТ ВЫХОДИТЬ С ВКЛАДКОЙ, ОТПЕЧАТАННОЙ СПОСОБОМ МЕЦЦО-ТИНТО И УВЕЛИЧЕННЫМ В РАЗМЕРЕ: ВМЕСТО ПРЕЖНИХ 20 СТРАНИЦ В КАЖДОМ НОМЕРЕ БУДЕТ 24 СТРАНИЦЫ.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ В ПЕРИОДСЕКТОР КНИГОЦЕНТРА:

МОСКВА, Центр, Ильинка, 3; во все отделения, магазины и киоски Книгоцентра и на почту.